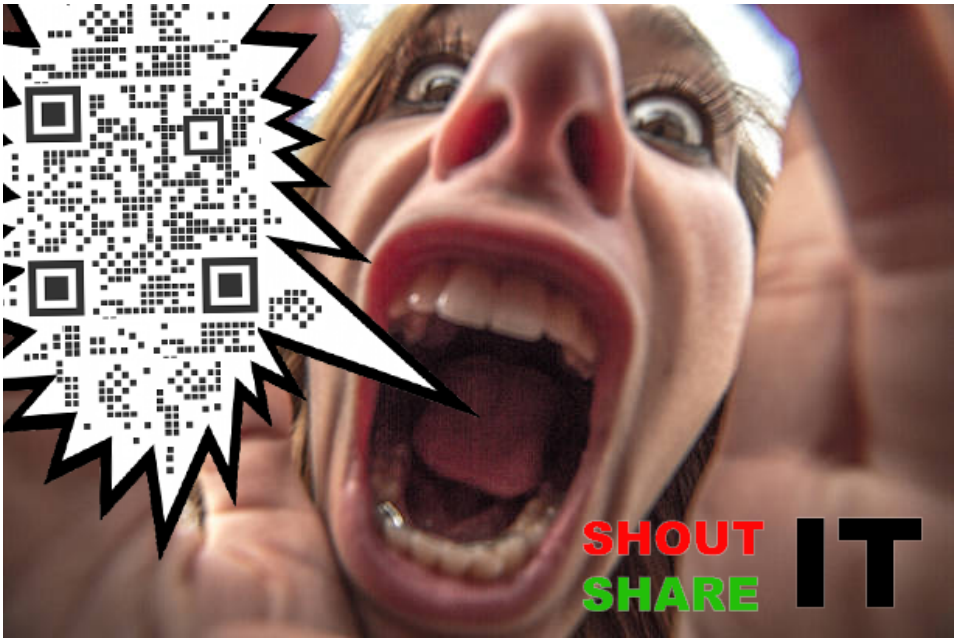
Константин Николаевич Бестужев-Рюмин

Иоанн IV Васильевич


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…Митрополитом был поставлен тогда знаменитый Макарий, бывший дотоле архиепископом в Новгороде. Этот ученый иерарх имел влияние на вел. князя и развил в нем любознательность и книжную начитанность, которою так отличался впоследствии И. Недолго правил князь Иван Шуйский; скоро место его заняли его родственники, князья Ив. и Андрей Михайловичи и Феодор Ив. Скопин…»

- Константин Николаевич Бестужев-Рюмин
-

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин
Иоанн IV Васильевич

Иоанн IV Васильевич – царь и великий князь всея Руси, прозванный Грозным, обыкновенно называется IV в ряду великих князей этого имени; как царь, иногда называется I. И. был сыном вел. кн. Василия Иоанновича от второй его супруги, Елены Васильевны Глинской; род. в 1530 г. авг. 25, сконч. в 1584 г. марта 16. Трехлетним ребенком остался он по кончине отца своего и был провозглашен вел. кн. (1533). Правительницей сделалась, по завещанию Василия, вдова его, вел. кн. Елена. Дяди государя, кн. Юрий и Андрей, были заточены ею, как недовольные ее управлением; второй прибег и к вооруженному восстанию. Дядя Елены, кн. Мих. Глинский (см. соотв. статью), не одобрявший ее также, был заключен. Между боярами многие не любили правительницу, частью потому, что вел. князь развелся со своей первою женой и женился на иноземке, частью же за предпочтение, которое она оказывала кн. И. Ф. Овчине-Телепневу-Оболенскому. Понятно, что возник слух, сообщаемый Герберштейном, будто Елена была отравлена. Грозный, однако, не упоминает нигде об этом обстоятельстве. Со смертью Елены (1538) открылось поприще боярским смутам. Власть захватил известный своею энергией кн. В. В. Шуйский; через 6 дней по смерти Елены схвачены были кн. Овчина-Оболенский и сестра его, мамка вел. кн., Челяднина. Выпущенный из тюрьмы кн. Бельский, по подозрению в желании подчинить себе вел. кн., был снова посажен в тюрьму, а после смерти кн. В. Шуйского брат его, кн. Иван, низложил митрополита Даниила (см. соотв. статью), расположенного к Бельскому. Тяжело было правление Шуйских для Русской земли. Сам вел. князь позднее в письме к Курбскому не добром поминает свое детство; он рассказывает, что кн. И. Шуйский клал при нем ноги на постель отца, не давал ему вовремя пищи, расхитил из казны сосуды, расхитил и казну денежную. Кн. Курбский рассказывает, что правители небрегли воспитанием вел. кн., что они приучили его к жестокости и не останавливали, когда он кидал с крыльца животных. Позднее, когда И. было 15 лет (уже во время влияния Глинских), он скакал но улицам, давил людей, а «пестуны» дивились его мужеству. Заняться воспитанием И. пестунам было некогда: Шуйские, как потом и Глинские, думали только о своей корысти. Это развило в

И. недоверие и даже презрение к людям, лишило его умения сдерживать свои порывы. В 1540 г. кн. Ив. Бельский был освобожден из тюрьмы и занял место Шуйского. При нем отдохнула земля: псковичам дана губная грамота, выпущен из заточения двоюродный брат вел. кн., Владимир Андреевич; Шуйский был только послан с ратью к Владимиру. Власть Бельского была непродолжительна: в 1542 г. Шуйский, вызванный своими приверженцами из Владимира (говорят, что в заговоре участвовало 300 челов.), заточил Бельского, который скоро был убит; митрополита свергли и едва не убили. Митрополитом был поставлен тогда знаменитый Макарий, бывший дотоле архиепископом в Новгороде. Этот ученый иерарх имел влияние на вел. князя и развил в нем любознательность и книжную начитанность, которою так отличался впоследствии И. Недолго правил князь Иван Шуйский; скоро место его заняли его родственники, князья Ив. и Андрей Михайловичи и Феодор Ив. Скопин. Прежние насилия продолжались: из государевых хором вытащили Воронцова, которого государь очень любил, били его по щекам и не умертвили только по просьбе И., но сослали в Кострому; один из клевретов Шуйских дошел до того, что, наступив на мантию митрополита, изодрал ее. Новое появление Шуйских во власти ознаменовалось усилением власти наместников. Положение становилось невыносимым; составился заговор против Шуйских, во главе которого стали родственники вел. князя, Глинские; заговор созревал долго; наконец, в декабре 1543 г., И. собрал бояр, объявил им, что знает, как многие участвовали в хищениях и неправдах, но теперь казнит только одного кн. Андрея Шуйского, которого приказал схватить псарям: те растерзали его. Но правления на себя И. не принял, а положился на Глинских и дьяка Захарова, в котором Е. А. Белов основательно видит одного из главных деятелей этого времени.

Новые властители занялись преследованием людей им неприятных: в 1544 г. кн. Кубенский, приверженец Шуйских, был подвергнут опале, но потом помилован; в 1545 г. урезан язык Бутурлину и положена опала на Воронцова, бывшего любимца царя, против которого было то обстоятельство, что он желал сохранить свое влияние: «Кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно». В это время шестнадцатилетний вел. кн. забавлялся и не думал об управлении. В дек. 1546 г., призвав к себе митрополита и бояр, И. заявил желание жениться и венчаться на царство; взять за себя иностранку он не желал, ибо «у нас норовы будут разные, ино между нами тщета будет». Царское венчание не было новостью: дед вел. князя венчал уже своего внука, несчастного Димитрия. Самый титул уже

встречается в грамотах, правда – более во внешних сношениях; у в. кн. Василия Иоанновича была печать с царским титулом; известны и его монеты с тем же титулом. С падением Царьграда мысль о том, что Москва – третий Рим, а государь русский – наследник царя греческого, все более и более укоренялась между книжниками. Царское венчание совершено было 16 января 1547 г. Позже (в 1561 г.) И. послал просить благословение от царьградского патриарха, от которого и получена была утвердительная грамота. Отсюда ясно, какой смысл царскому венчанию придавал сам царь. Еще до этого торжества разосланы были по городам грамоты с приказанием привозить в Москву девиц для выбора царской невесты. Выбрана была Анастасия Романовна Захарьина-Юрьина. Род Захарьиных, происходивший от Федора Кошки, принадлежал к числу немногих старых боярских родов, удержавших высокое положение при наплыве «княжат», вступавших в службу московских государей. Как ни любил И. царицу, но, не привыкнув сдерживать себя, он не мог сразу поддаться ее умиротворяющему влиянию. Обыкновенно сильное влияние на царя приписывается пожару 12 апреля, когда горела вся Москва. Волнующийся народ требовал выдачи бабки царя – княгини Глинской, чарам которой приписывал пожар. Царь был в своем дворце на Воробьевых горах. Сюда явился к нему священник Сильвестр. Курбский пишет, что он произнес к царю грозную речь, заклиная его именем Божиим и подтверждая слова свои текстами св. Писания. Сильвестр был священником Благовещенского собора, старший священник которого был царским духовником. Он, стало быть, давно был известен И. и, как переселенец из Новгорода, пользовался, вероятно, покровительством Макария, в 1542 г. возведенного в сан митрополита. Влиянию этих духовных лиц, в особенности Макария, следует приписать сдержку пылкой природы Грозного; но успех приемов Сильвестра – действования «детскими страшилами» (слова самого И.) – не мог быть продолжителен. Достигнув двадцатилетнего возраста, царь пожелал высказать, как намерен править впредь, и торжественно заявить, на ком лежит вина в бывших беспорядках. Для этого он собрал первый земский собор (см. соотв. статью), на утверждение которого был предложен Судебник, представлявший новую редакцию Судебника вел. кн. Иоанна (см. Судебники). К собравшимся представителям И. произнес с Лобного места красноречивую речь: «Нельзя исправить минувшего зла; могу только спасти вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду; соединимся все любовию христианскою. Отныне я судья ваш и защитник». Прием

прошений И. поручил Ал. Адашеву, которого выбрал из людей незнатных: он хотел отстраниться от людей знатных, которых владычество еще свежо было в памяти и его, и всей земли. В 1551 г., на соборе духовных властей, по вопросам царя, даны были ответы относительно искоренения злоупотреблений, вкравшихся в церковь. Постановления этого собора известны под именем стоглава (см.), ибо предложено было сто вопросов. И. Н. Жданов обнародовал список этих вопросов, касающихся как церковного, так и гражданского благоустройства. Вообще правительство в эту эпоху высказало большую деятельность: наместники-кормленщики заменялись земским самоуправлением, посредством земских старост и целовальников, что было вызвано жалобами населения (прежде всего в 1552 г. дана была уставная грамота вожанам, в 1555 г. последовал указ о введении самоуправления по всем областям; см. Земские учреждения царя И. Васильевича). Введение губных старост для уголовных дел началось еще в 30-х гг. XVI в.; в 1551 г. было большое разверстание поместий, упрочившее содержание служилых людей; в 1556 г. последовала новая разверстка. Курбский, а за ним и многие историки (Карамзин, Полевой, Костомаров, Иловайский, арх. Леонид и др.) приписывают все, что делалось в эту эпоху, «избранной раде» (т. е. ближайшим советникам царя); говорят, что эта рада была избрана Сильвестром и Адашевым. Едва ли, однако, много могли сделать какие-либо советники без полного убеждения царя в необходимости изменений в существующем строе. Преувеличенное, в злобе, показание И., что советники не давали ему ступить свободно, свидетельствует только о том, как далеко простирал свои притязания Сильвестр, как сильно был раздражен против него и его сторонников царь; но не следует думать, чтобы слова эти были полной правдой. Во внешних отношениях этот период жизни И. ознаменовался важным событием – взятием Казани. В 1548 г. умер в Казани царь Сафа-Гирей, из рода крымских ханов, враждебный России. Незадолго до смерти он отразил кн. Бельского, подходившего к Казани. После него казанцы посадили его малолетнего сына Утемыш-Гирея, под опекою матери его Сююнбеки. В 1550 г. царь лично предпринял поход на Казань, но распутица не позволила идти далее устья Свияги; здесь заложена была крепость и оставлен русский гарнизон. Горные черемисы подчинились тогда России, вследствие чего Казань была стеснена и казанцы просили И. дать им царя. Послан был Шах-Али, но с условием уступки горной стороны. Когда Шах-Али сел в Казани, положение его было трудно: казанцы требовали возвращения горной стороны, московское правительство – вассального подчинения. Стесненный

с двух сторон, он ушел из Казани. Казанцы обещали было принять русских воевод, но обманули и призвали к себе в цари ногайского князя Едигера (см. соотв. статью). Тогда сам царь выступил в поход на Казань. Узнав о нападении крымцев на Тулу, он сначала пошел туда, но крымцы бежали. Тогда царь повел сам часть рати на Владимир, Муром и Нижний; на Суре сошлись с ним другие части русского войска. К Свияжску подошли 13 августа. Осада Казани продолжалась до 2 октября. Привезен был немец розмысл (инженер), сделан подкоп; в стене образовалась брешь, русские вошли в город. Когда не осталось никакой надежды, татары вышли из города; их царь был взят в плен. Его после крестили и назвали Симеоном (не следует смешивать его с Симеоном Бекбулатовичем, которого впоследствии И. назвал вел. князем; казанский царь зовется Касанвич). Из Москвы позднее был послан в Казань архиепископ Гурий (см. соотв. статью), с наказом не крестить насильно, ласково обходиться с туземцами и даже заступаться за некрещеных. С народом Казанского царства борьба не была окончена взятием Казани; восстания еще были возможны, но с поселением русских помещиков край все более и более становился русским. За Казанской землей последовало покорение земли башкирской: башкиры начали платить ясак. Ногаи не были опасны: они делились на несколько орд, ссорившихся между собой, ссорами пользовалось русское правительство; распри ногаев открыли путь к завоеванию Астрахани: защищая кн. Измаила от астраханского хана Ямгурчея, И. послал войско к Астрахани (554). Вместо Ямгурчея посадили ханом Дербыша, который «неприяшеся» России, и в 1557 г. царство Астраханское было занято, как говорится в песни, «мимоходом». Успех России на Востоке привел к тому, что владельцы кавказские вошли с ней в сношения, и хан сибирский Едигер обязался платить ей дань. В Крыму не могли равнодушно смотреть на усиление Москвы и всеми средствами старались мешать ему. В 1555 г. Девлет-Гирей (см. соотв. статью) напал на русскую Украину; И. пошел на встречу ему к Туле; хан поворотил назад, хотя и разбил Шереметева у Судбища (150 в. от Тулы). В 1556 г. ходил по Днепру дьяк Ржевский под Очаков; в 1559 г. Адашев, брат Алексея, с поступившим в русскую службу вождем днепровских казаков, кн. Дмитрием Вишневецким, опустошил крымские улусы. Советники царские считали возможным завоевать Крым; некоторые из даровитейших современных историков (Н. И. Костомаров) держатся того же мнения, но еще Соловьев основательно доказал трудность этого предприятия: между Крымом и Россией степь, Турция еще была сильна – до Лепантской битвы вся Европа уверена была в непобедимости

турок. С другой стороны недаром указывается на неудачу позднейших походов в Крым, до заселения Новороссии. Царь не послушался своих советников и обратился на Запад: скоро началась Ливонская война. Война эта считается многими политической ошибкой И.; Костомаров прямо приписывает ее стремлению к завоеваниям; а между тем она была исторической необходимостью, как доказано исследованием Г. В. Форстена, в его «Балтийским вопросе». Еще в раннюю пору, дотатарскую, Русь стремилась к морю: за Неву бились новгородцы с шведами; в землях Прибалтийских имели владения кн. полоцкие. Орден Ливонский оттеснил русских от моря. После свержения ига татарского явилось сознание необходимости сношений с Европой: выписывались иностранные мастера и. т. д. Московское государство, присоединив Новгород, унаследовало и политические отношения Новгорода к странам прибалтийским. Еще при вел. кн. Иоанне уничтожена была торговля с Ганзою, купцы которой держали в черном теле местное купечество. Торговля перешла в ливонские города: Ригу, Нарву. Ливонцы обставили торговлю стеснительными условиями, мешая другим народам (главное – голландцам) принимать в ней участие, запрещая торговать с русскими в кредит, запрещая ввозить в Россию серебро и т. д. В 1547 г. царь поручил саксонцу Шлитте набрать в Германии художников и мастеров, полезных для России. Цезарь это позволил; но ливонцы представили об опасности для них от знакомства русских с иностранцами, и набранные люди были задержаны в Любеке; сам Шлитте был задержан в Ливонии; испрошено позволение не пропускать в Россию мастеров и художников, и один из набранных, Ганц, пробираясь в Россию, был казнен. Русской торговле, которой всеми средствами старались мешать соседи, открылся в 1553 г. новый исход: английская торговая компания, отыскивая путь через север в Китай, снарядила экспедицию, которую король Эдуард VI снабдил грамотою к государям северным и восточным. Часть экспедиции погибла на пути, но Р. Ченслер прибыл в устье Сев. Двины, был отправлен в Москву и милостиво принят государем. В 1555 г. он явился послом от Филиппа и Марии. Англичане получили привилегию торговать без пошлины, иметь свои дома в русских городах. В 1557 г. русский посланник Осип Непея выговорил такие же права в Англии для русских купцов. Пример англичан побудил и голландцев явиться в Двинское устье, где они и торговали до 1587 г.; так завязались у России сношения с другими народами, помимо ближайших соседей, которые желали остановить эти сношения и запереть Россию. Прежде всего пришлось столкнуться с королем шведским

Густавом Вазою. Предлогом войны, начавшейся в 1554 г., были пограничные споры и недовольство Густава на то, что переговоры с ним ведутся не в Москве, а в Новгороде. Война ограничилась опустошением пограничных мест. Потеряв надежду на своих союзников, Польшу и Ливонию, Густав заключил мир, с тем чтобы впредь сношения велись в Новгороде и чтобы установлена была взаимная беспрепятственная торговля (1557). Важнее, чем война со Швецией, была война с Ливонским орденом. Сам по себе орден был в это время слаб, но именно эта слабость была страшна для моск. правительства: ордену приходилось или обратиться в светское владение, подобно ордену немецкому, ставшему герцогством прусским, или подпасть под власть соседних государств – Швеции, Дании, Польши. Оба исхода не могли быть приятны Москве. Поводами к войне были очевидная враждебность ордена и нарушение существующих договоров. Так, по договору ордена с Псковом (1463) и по договору с Плетенбергом (1503) Дерпт должен был платить некоторую дань, которая не платилась. Когда в 1557 г. прибыли ливонские послы для переговоров о продолжении перемирия, с ними заключен был договор, обязывающий Дерпт платить эту дань; за нее должна была поручиться вся Ливония. Ливонцы, между тем, упустили случай войти в союз с Швецией и вызвали вражду Польши. Еще не заключив мира с Польшею, они послали посольство в Москву попытаться не платить дани. Царь отказал и велел укреплять границу; ливонцы испугались, новое посольство просило уменьшения дани; последовал новый отказ. Русское войско появилось на границе; в Ливонии послышались голоса о необходимости опереться на одного из соседей; заговорили о союзе с Польшей, но все ограничилось предположениями. В 1558 г. русск. войска вошли в Ливонию и опустошили ее. Собрался сейм, положено было умилостивить царя; посол прибыл в Москву; уже дан был приказ остановить военные действия, но из Нарвы стреляли по русским, и Нарва была взята. Явилась возможность самостоятельной торговли; Нарва приносила 70000 р. дохода в год. Соседи, в особенности Польша, взволновались переходом ее в русские руки. По взятии Нарвы царь потребовал покорности всей Ливонии; не добившись этого миром, попробовал силу: много городов сдалось, в них селили русских и строили русские церкви; в битвах разбивали ливонцев. В страхе обратились они к императору, который отвечал, что ему невозможно повсюду защищать христианство даже от турок. Началось разложение Ливонии; Эстляндия обратилась к Дании, архиепископ – к Польше, магистр – к Швеции. Швеция, Дания и Польша приняли на себя посредничество; но царь требовала

покорности от магистра. Во время этих переговоров пал Дерпт. Ему обещаны были безопасность жителей и сохранение прав, но появилось в окрестности русское юрьевское дворянство, а в городе православный епископ. Хотя, пользуясь уходом главных сил, ливонцы имели некоторые успехи, но в 1559 г. снова вступила в их земли русская рать, доходила до Риги, опустошила Курляндию. Посредничество короля датского и опасения со стороны Крыма побудили дать Ливонии шестимесячное перемирие. В этот промежуток времени ливонцы обращались и к Германии, и к другим государствам, но пользы от того было немного, хотя магистр и архиепископ отдались под защиту Польши, а епископы эзельский и курляндский – под защиту Дании. Брат датского короля, Магнус, выбран был коадъютором эзельского епископа и скоро приобрел епископство ревельское, но Ревель поддался Швеции. Русские войска продолжали опустошать Ливонию. В конце 1561 г. магистр Кетлер заключил договор с польским королем, по которому Ливония подчинялась Польше, а он делался наследственным герцогом курляндским. Так Ливония окончательно разорвалась между Польшей, Швецией, Данией (Эзель остался за Магнусом), Россией и вассалами Польши, герцогами курляндскими. Пока в Ливонии совершались эти события, в самой Москве вышло наружу то, что доселе таилось: царь разорвал со своими советниками, и начала все более и более развиваться в нем подозрительность. Совершилось то, что еще до сих пор, по старой привычке, называют переменой в характере Грозного. Приближая к себе Сильвестра и Адашева, И. надеялся встретить в них людей, лично ему преданных; но сам друг их Курбский прямо указывает на то, что они завладели правлением и окружили царя избранными ими людьми. Влияние Сильвестра на царя было сильно до 1553 г., и основа его была в уважении И. к нравственным качествам Сильвестра. Но пугать «детскими страшилами» можно было только на первых порах: Сильвестр надеялся управлять, а управлять такими людьми как И. чрезвычайно трудно. Сильный удар влиянию Сильвестра нанесен был в 1553 г., когда И. опасно занемог. Больной хотел, чтобы, на случай его смерти, была принесена присяга его сыну, тогда младенцу, Димитрию. Большинство окружающих его отказалось принести присягу и желало избрать Владимира Андреевича (см. соотв. статью), сына Андрея Иоанновича. Окольничий Адашев, отец Алексея, прямо говорил: «Сын твой, государь наш, еще в пеленках, а владеть нами Захарьиным». Владимир Андреевич и мать его старались привлечь на свою сторону деньгами; Сильвестр стоял за Владимира и тем возбудил и к себе недоверие. Сами Захарьины колебались, боясь за свою участь. Тяжелое

сомнение налегло на душу Иоанна Васильевича, но он не спешил разрывать со своими советниками. Спокойное отношение царя к событиям во время его болезни многим казалось неестественным; некоторые, более предусмотрительные, решились прибегнуть к старому средству – отъезду. В июле 1554 г. в Троице был пойман князь Никита Семенович Ростовский, отец которого был из сторонников Владимира Андреевича. По следствию оказалось, что у него заранее велись сношения с литовским посольством, что он действовал с согласия не только отца своего, но и многих родичей. Бояре приговорили князя Семена казнить, но царь, по ходатайству митрополита, послал его в тюрьму на Белоозеро. Несмотря на все это, несмотря на несогласие царя с советниками по вопросу о войне ливонской, причем советники указывали на необходимость покончить с Крымом, а все случившееся дурное выставляли наказанием за то, что он их не послушался и начал войну ливонскую, разрыва еще не было. Тем не менее, влияние Сильвестра и друзей было тягостно для И. В характере его была черта, тонко подмеченная И. Н. Ждановым: увлекаясь мыслью, он охотно отдавал подробности исполнения другим, но потом, заметив, что они забрали слишком много власти, вооружался против тех, кому верил. Доверие сменялось подозрительностью; к тому же, недовольство на советников у него всегда соединялось с недовольством на себя. От доверия к Сильвестру И. перешел к подозрительности, старался окружить себя людьми, которые не выходили из повиновения ему; научившись презирать этих людей, простер свое презрение на всех, перестал верить в свой народ. В 1560 г. умерла Анастасия. Во время ее болезни случилось у царя какое-то столкновение с советниками, которых он и прежде подозревал в нерасположении к Захарьиным, и которые, со своей стороны, считали Захарьиных главной причиной упадка их влияния. Над Адашевым и Сильвестром наряжен был суд: Сильвестр был послан в Соловки, а Адашев – сначала воеводой в Феллин, а после отвезен в Дерпт, где и умер. Сначала казней не было; но, заметив, что низложенная партия хлопочет о возвращении влияния, царь ожесточился. Начались казни. Казни И. были страшны, да и время было жестокое. Мы не можем, однако, быть вполне уверены ни в подробностях всех казней, ни даже в числе казненных. Источниками в этом вопросе служат сказания князя Курбского, рассказы иностранцев и синодики. Новейший исследователь этой эпохи, г. Ясинский, сводя эти три источника вместе, приходит к ужасающим результатам. Вероятнее, однако, предположение Е. А. Белова, что еще многого недостает для полной уверенности в истинности этих показаний. Курбский, очевидно, пристрастен; из иностранцев многие пишут

по слухам; когда составлены синодики, мы не знаем, не знаем также и того, все ли записанные в них лица были казнены, а не умерли в опале; наконец, надписи над строками этих синодиков, заключающие в себе прозвания лиц или какие-либо другие сведения, требуют проверки. Следует еще прибавить, что существуют указания на следственные дела, до нас не дошедшие, например по случаю новгородского погрома. Впрочем, на первых порах И. часто довольствовался заключением в м-рь или ссылкой. Со многих взяты были поручные записи, что они не отъедут. Предположение подобного намерения нельзя считать фантазией царя; оно бывало и в действительности. Так отъехали Вишневецкий, двое Черкасских, Заболоцкий, Шашкович и с ними много детей боярских. Литовское правительство не только охотно принимало отъездчиков, но еще само вызывало к отъезду. Так, велась переписка с князем И. Д. Бельским и дана была ему «опасная грамота», но об этом узнали; Бельский был помилован, только представил за себя ручателей. Такая же переписка началась с князем А. М. Курбским, который в 1564 г. отъехал в Литву. Пожалованный там богатыми поместьями, Курбский не отказывался участвовать в походах против своих соотечественников. Отъехавши, он отправил обличительное послание к Грозному: началась переписка, в которой ясно сказались воззрения обеих сторон. Курбский был не просто боярин, он не только защищал права высшего сословия на участие в советах государя; он был потомок удельных князей и, подобно другим «княжятам», не мог забыть победы Москвы. В письме к Грозному он вспоминает предка своего Федора Ростиславича, указывает на то, что князья его племени «не обыкли тела своего ясти и крови братий своих пити». Он сохраняет сношения с Ярославлем, – у него там духовник, – почему И. и упрекает его в желании стать ярославским владыкой. Как Курбский считался предками с И., так Бельский и Мстиславский считаются предками с Сигизмундом-Августом. Князь В. И. Шуйский, вступая на престол, заявляет о старшинстве своей линии перед линией вел. князей московских. Княжата в ту пору составляли особый высший разряд в Московском государстве. В виде вотчин владели они остатками своих бывших уделов. Царь в 1562 г. издает указ, которым ограничиваются права княжат на распоряжение своими вотчинами. Флетчер сообщает нам, что, подвергая опале княжат, И. отнимал у них вотчины и давал поместья в других местах, разрывая, таким образом, связь между населением и бывшими удельными князьями. В актах встречаются примеры таких перемещений. В. О. Ключевский приводит любопытные примеры перемещения

служилых людей, очевидно – бывших слуг удельного князя, из княженецкой вотчины в другие места. Княжата не могли помириться с титулом царя, главным образом потому, что за ними не сохранено было право руководить государя своими советами. Недовольные порядком вещей, по Курбскому, имеют право отъехать. На теорию потомка князей Ярославских внук греческой царевны отвечает своей теорией. По его словам, царская власть установлена Богом; назначение царя – покровительствовать благим, карать злых. В обширном ответе Грозного замечательно, между прочим, указание на то, что духовные не должны мешаться в светские дела, составляющее опровержение слов Курбского о благих советах Сильвестра. Отъезд Курбского и его резкое послание еще сильнее возбудили подозрительность царя. Он стал готовиться к нанесению решительного удара тем, кого считал своими врагами. Для этого нужно было убедиться, насколько можно было рассчитывать на бездействие народа. С этой целью 3 декабря 1564 г., И., взяв с собой царицу Марью Темрюковну (с которой вступил в брак в 1561 г.), царевичей, многих бояр, дворян с семьями, вооруженную стражу, всю свою казну и дворцовую святыню, поехал по разным м-рям и, наконец, остановился в Александровской слободе (Владимирской губ.). Недоумение москвичей по поводу этого отъезда продолжалось до 3 января 1565 г., когда митрополит Афанасий получил грамоту от царя, в которой, исчисляя вины бояр, начиная с его малолетства, обвиняя их в корыстолюбии, нерадении, измене, обвиняя духовенство в ходатайстве за изменников, объявлял, что, не желая терпеть измены, оставил свое государство и поехал поселиться, где Бог ему укажет. С тем вместе получена была грамота к православному христианству града Москвы в которой государь писал, что на них он гнева не имеет. Странное сообщение поразило всех: духовенство, бояре и горожане в недоумении приступили к митрополиту с просьбами, чтобы он умолил царя, причем горожане указывали – просить царя, чтобы он государства не оставлял, а их на расхищение волков не давал, «наипаче от рук сильных избавлял». И те, и другие равно выразили мысль, что изменников государь волен казнить, как ему угодно. С этим полномочием поехала из Москвы депутация из разных чинов людей, во главе которой стоял Пимен, архиепископ новгородский. Царь склонился на просьбу и объявил, что снова принимает власть, с тем, что будет казнить изменников; при этом он сказал, что из государства и двора выделяет себе часть, которую назвал опричиной. Вслед за тем последовало определение тех волостей, городов и московских улиц, которые взяты в опричину. Наконец, государь выбрал

тысячу человек князей, дворян и детей боярских, которые все должны были иметь свои поместья в отведенных под опричину волостях; все остальное государство названо было земщиной (см. соотв. статью) и отдано под управление земских бояр. В 1574 г. во главе земщины, с титулом вел. кн. всея Руси (а после – тверского), поставлен был крещеный, под именем Симеона, касимовский царь Саип-Булат Бекбулатович. Земские бояре заведовали всеми текущими делами, но о разных вестях или великих земских делах докладывали государю. Многие, подозреваемые в измене, были казнены или сосланы в Казань. Значение опричины верно и метко оценено С. М. Соловьевым. По его представлению, И., заподозрив бояр, не мог прогнать их всех от себя, и потому удалился от них сам, окружив себя новыми людьми, построив себе новый дворец, уйдя в Александровскую слободу. Такое удаление государя от земли имело гибельные следствия, делающие понятной общую ненависть к опричникам. Новое обстоятельство еще усилило подозрительность И.: литовский гонец привез к московским боярам грамоты от короля и гетмана. Грамоты были перехвачены, от имени бояр посланы бранчивые ответы; за эту переписку поплатился жизнью конюший Челяднин, с несколькими друзьями. В послании Грозного из слободы он осуждал обычай духовенства «печаловаться» за осужденных; но самое серьезное столкновение по этому вопросу возникло тогда, когда первосвятительскую кафедру занял соловецкий игумен Филипп, из рода Колычевых. Зная лично и уважая Филиппа, царь в 1567 г. предложил ему кафедру митрополита. Филипп, сначала отказывавшийся, согласился только под условием уничтожения опричины. Царь оскорбился. Собору удалось примирить их, и Филипп дал обещание в опричину и царский домовый обиход не вступаться. Но подозрение запало в душу И., а Филипп начал ходатайствовать за опальных и обличать царя. Произошло несколько столкновений. Враги Филиппа, в числе которых был, между прочим, духовник царский, наконец, восторжествовали: Филипп удалился в м-рь Николаевский, теперь Нреческий на Никольской, но все еще служил. В крестном ходе заметил он опричника в тафье и обличал его; царь рассердился, тем более, что, когда он оглянулся, тафья была снята. Тогда над Филиппом наряжен был суд, и в Соловки послана была комиссия для собирания о нем сведений. Во главе комиссии стоял Пафнутий, архиепископ суздальский. Лестью и обещаниями склонили игумена Паисия и старцев дать показания против Филиппа. 8 ноября 1568 г. Филиппа заставили служить. Во время службы он был схвачен опричниками в церкви, на другой день торжественно лишен сана

и скоро свезен в тверской Отрочь м-рь, где, во время похода И. на Новгород (дек. 1569), Филипп был задушен. Вскоре после низведения св. Филиппа погиб двоюродный брат царя, Владимир Андреевич (см. соотв. статью), в котором И. видел, и быть может, не без основания, опасного претендента. Не без связи с делом Владимира стоит Новгородский погром. В январе 1570 г. И. приехал в Новгород. По дороге он останавливался в Клину и в Твери, которые много пострадали и от казней, и от опустошения опричников. В Новгороде совершено было много казней, свергнут архиеп., страшно грабили опричники. Ужас напал на новгородцев. И. Васильевич, объявив милость оставшимся трепещущим горожанам, проехал во Псков, которого, однако, миновал его гнев. Возвратясь в Москву, он начал следственное дело; призваны были к суду и казнены многие бояре, в том числе любимцы царя, Басмановы, отец и сын, а князь Афанасий Вяземский умер от пытки. Недоверие царя не только к старым боярам, но и к людям им самим избранным, постоянные разочарования, которых он по характеру своему не мог избежать, ибо требовал от людей, чтобы они во всем удовлетворяли его, должны были тяжело лечь на его душу. Мысль о непрочности его положения с особенной силой овладела им в последние годы. До нас дошло его завещание, относимое к 1572 г., где он жалуется на то, что ему воздали злом за благо и ненавистью за любовь. Он предполагает себя изгнанным от бояр, «самовольства их ради». Мысль о непрочности своего положения И. высказывал в сношениях с Англией, где, на случай изгнания, искал себе убежища. Даже любимый сын, царевич И., не миновал подозрительности царской. В 1581 г., во время величайших неуспехов русского оружия, между отцом и сыном произошло столкновение. Говорят, будто царевич указывал на необходимость выручки Пскова. Гневный царь ударил его жезлом; через четыре дня царевич умер.

Возвратимся к делам внешним. Падение Ливонского ордена поставило лицом к лицу державы, между которыми разделилось его наследство. Швеция, заключив союз с Россией, обратилась на Данию, а России пришлось столкнуться с Польшей. Сигизмунд-Август, приняв во владение Ливонию, послал в Москву И. предложение вывести и русское, и литовское войско из Лифляндии. Из Москвы отвечали отказом. Попробовали завести сношения от имени епископа виленского и панов с митрополитом и боярами, но сношения кончились неудачей. Бояре, между прочим, указывали на то, что Москва есть вотчина великого государя, и делали сравнение между русскими государями «прирожденными» и литовскими «посаженными», ответы писаны,

очевидно, самим царем. В переговорах и мелких столкновениях прошел весь 1562 г., а в январе 1563 г. войско, предводимое царем, двинулось к Полоцку, который 15-го февраля сдался. Очевидно, царь намерен был оставить его за собой: воеводам предписано было управлять, расспроса их здешние всякие обиходы; для суда избрать голов добрых из дворян, судить по местным обычаям; царь приказал поставить в Полоцке архиепископа. После взятия Полоцка пошли бесплодные переговоры, а в 1564 г. русское войско разбито было при р. Уле. Опять начались набеги и стычки, а между тем заключены договоры с Данией и Швецией. Со стороны Крыма Россия казалась обеспеченной: заключено было перемирие на два года; но, подстрекаемый дарами Литвы, хан сделал набег на Рязань. В конце 1565 г. снова начались переговоры с Литвой. Когда послы литовские готовы были уступить все города, занятые русскими, И. решился спросить совета у земли, не прекратить ли воину. Летом 1566 г. собрался в Москве земский собор и постановил «за те города государю стоять крепко». Снова потянулись и переговоры, и стычки; а только в 1570 г. заключено было перемирие, на основании uti possidetis. Во время переговоров послы выразили царю мысль, что желали бы избрать государя славянского и останавливаются на нем. Царь, произнесши обширную речь в доказательство того, что войну начал не он, заметил, что он не ищет выбора, а если они хотят его, то «вам пригоже нас не раздражать, а делать так, как мы велели боярам своим, и всем говорить, чтобы христианство было в покое». За выбором И. не гнался; ему важна была Ливония, за Ливонию он готов был отдать и Полоцк; но Ливонию не уступят охотно ни Польша, ни Швеция, овладеть ею трудно; и вот, явилась мысль создать в Ливонии вассальное государство. Сначала обратили внимание на Фюрстенберга, бывшего магистра, жившего в России пленником. Старый магистр потому, говорят, не принял этого предложения, что не решался нарушать свою присягу империи. Тогда обратились в другую сторону. В числе пленных немцев, которыми Грозный любил себя окружать в эту пору и которым позволил построить церковь в Москве, особенной благосклонностью пользовались Таубе и Крузе. Эти любимцы указали на двух кандидатов – Кетлера и Магнуса; им поручено было вести сношения, и они отправились в Ливонию. Кетлер даже не отвечал на предложение, но Магнус вошел в переговоры и в марте 1570 г. сам поехал в Москву. И. заставил его присягнуть в верности, назвал его королем Ливонии и назначил ему в невесты племянницу свою, дочь Владимира Андреевича (свадьба Магнуса с Марьей Владимировной совершена в 1573 г.). Обласканный в

Москве, снабженный войском, к которому со всех сторон, даже из Курляндии, начали приставать немцы, Магнус в августе 1570 г., вступил в Эстляндию и осадил Ревель. Начать поход против Лифляндии было невозможно по случаю только что заключенного перемирия между Россией и Литвой, а в Эстляндия дело стояло иначе. Эрих XIV, с которым И. был в хороших отношениях и вел переговоры о выдаче Екатерины, невестки короля и сестры Сигизмунда-Августа (см. соотв. статью), был свергнут братом своим Иоанном (1566). Послы, присланные новым королем, вели переговоры, когда в Россию приехал Магнус. Под влиянием вновь затеянного дела с послами прервали переговоры и сослали их в Муром. Еще Таубе и Крузе, во время своей ливонской поездки, старались, но тщетно, склонить Ревель поддаться русскому государю. Чего не удалось достигнуть переговорами, того теперь решились добываться оружием. Тринадцать недель продолжалась осада Ревеля; мужество осажденных, подвоз морем снарядов и припасов из Швеции, заставили, наконец, Магнуса снять осаду (16 марта 1571 г.). Опасаясь царского гнева, Магнус удалился на Эзель, но вскоре был успокоен И. В страхе от того же гнева Таубе и Крузе изменили России: они пробовали было овладеть Дерптом, но, потерпев неудачу, бежали в Польшу и написали там известный памфлет, направленный против И. Так неуспешна была первая попытка Магнуса: но опасения, порожденные ей, были столь велики, что, при посредстве императора и короля французского, заключен мир между Швецией и Данией, причем император принял на себя посредничество по делам лифляндским. Устремив внимание на Ливонию, московское правительство не могло, однако, упускать из виду ни южной своей границы, угрожаемой татарами, ни особенно новых своих завоеваний в бывших татарских юртах. С татарами, цель которых ограничивалась грабежом, хотя и трудно было ладить, в особенности ввиду даров короля польского (по словам одного из князей крымских русскому посланнику Нагому, «татарин любит того, кто ему больше даст»), – но все же можно было откупиться от хана. Завоевание татарских царств вызвало против нас другого могущественного врага: султан турецкий, преемник халифов, не мог не взволноваться нарушением целости мусульманского мира. Еще Солиман требовал от хана пособия в походе на Астрахань. Крымцы, боясь усиления турок в их соседстве, всеми средствами отклоняли эту мысль, но, наконец, в 1569 г., Селим настоял на замысле отца. Турецкое войско отправилось из Каффы, с целью прорыть канал из Дона в Волгу и потом или завладеть Астраханью, или поставить вблизи ее новый город. Хан тоже должен был участвовать в этом походе. Но канал не удался,

подступить к городу не решились, узнав о готовности русских к обороне; строить новый город оказалось невозможным, вследствие возмущения войска. Так неудачно для турок кончилось первое их столкновение с Россией. В 1570 и 1571 гг. ездили в Константинополь русские послы; они должны были убедить султана в том, что в Россия мусульмане не стеснены. Но султан требовал Казани, Астрахани, даже подчинения царя. По его желанию хан вновь готовился к нашествию. Тревожно было лето 1570 г.; войско стояло на Оке, сам царь два раза приезжал к нему. Весной 1571 г. хан, предупрежденный русскими изменниками, сообщившими ему об ожесточения страны от войны, казней, голода и мора, переправился через Оку и отрезал царя, стоявшего у Серпухова, от главного войска. Царь ушел к Ростову, воеводы пошли к Москве. Хану удалось пограбить и зажечь посад, но брать Кремль он не решился. В начавшихся после этого переговорах И. предлагал уступить Астрахань, но только требовал времени. Хан запрашивал и Казань, а потом стал просить денег. И. отвечал гонцу: «Землю он нашу вывоевал, и земля наша от его войны стала пуста, и взять ни с кого ничего нельзя» – и послал хану двести рублей. В 1572 г. хан снова явился на Оке, но был у Лопасни отражен кн. Воротынским, после чего И. на предложение отдать Астрахань отвечал прямым отказом. 7 июля 1572 г. умер последний из Ягеллонов, после того как совершилось соединение Литвы с Польшей (1569). Между кандидатами на польский престол выдвинулся и царь московский. Намеки о возможности этого выбора делались в Москве в 1569 г. По смерти короля сношения эти продолжались; сторонников у Москвы было много. С другой стороны, грозя войной, царь требовал, чтоб слали послов для заключения мира. В начале 1573 г. прибыл в Москву литовский гонец Воропай, с извещением о смерти короля и просьбою о сохранения мира. Царь обещал мир сохранить и предлагал Полоцк в обмен на Ливонию по Двину; на случай выбора его в короли царь сказал: «Не только поганство, но ни Рим, ни какое другое королевство не могло бы подняться на нас, если бы земля ваша стала заодно с нами». Литовцы, видя, что вожди поляков медлят посылать послов в Москву, отправили от себя писаря своего Гарабурду. В переговорах с ним царь высказал свое желание владеть в Польше и в Литве наследственно, даже требовал написать Киев к Москве; Ливонией не поступался. Поняв, что на этих условиях его не возьмут, он указывал кандидатом сына императора. В короли был избран Генрих Валуа, впоследствии король французский. Когда он ушел из Польши, возобновились переговоры о короне, но они не привели ни к чему, и выбран был Стефан-Баторий (1576 г.).

Если внутренние неурядицы Польши и надежды царя на то, что или выбран будет король ему угодный, или вся земля ударит ему челом, отсрочивали вооруженное столкновение России с Речью Посполитой, то столкновение между Русью и Швецией было неизбежно. Царь, после неудачи Магнуса под Ревелем и после сожжения Москвы ханом, вызвал послов шведских из Мурома в Новгород и здесь, предъявив сначала требования, чтобы король признал его верховным своим государем, допустил внесение своего герба в русский герб и т. п., в конце концов отпустил послов с тем, чтобы король обязался прислать новых, поставить России вспомогательное войско, а главное – отказался бы от Ливонии. Требования эти не были приняты; началась с обеих сторон оскорбительная переписка. Король кинулся искать помощи и в Польше, и у императора, но, нигде ее не найдя, должен был бороться одними своими силами. В дек. 1572 г. сам царь двинулся в Эстляндию и осадил город Пайду (Вейссенштейн). Под этим городом убит печальной памяти Малюта Скуратов. 1 янв. 1573 г. город был взят. Поручив дальнейшее ведение войны касимовскому царю Саип-Булату и Магнусу, царь возвратился в Новгород. Русские взяли несколько мелких крепостей, но при Лоде Саип-Булат был разбит. Тогда царь, по совету своих воевод, решился начать переговоры. Принятию этого решения способствовала весть о восстании черемисов. Переговоры тянулись долго, и только в июле 1575 г. заключено, на реке Сестре, двухлетнее перемирие. Современники понимали, что цель перемирия для И. была – обеспечив себя со стороны Финляндии, сильнее действовать на Ливонию. Военные действия открылись здесь летом 1 5 75 г. Взято было несколько городов, а в янв. 1577 г. русское войско, под начальством кн. Мстиславского и Шереметева, осадило Ревель. Осада была неудачна. Летом того же года сам царь двинулся в польскую Лифляндию. Польский наместник Ходкевич не решился сопротивляться и удалился; это было началом войны с Польшей, с новым королем которой сношения и прежде были не особенно дружественны. Послы Батория приезжали в Москву в конце 1576 г., но в грамоте государь русский не был назван царем, сам же король называл себя лифляндским. В Москве требовали исправления всего этого, но не решались назвать Батория братом царя, ибо, как князь семиградский, он был подданным венгерским. Послы уехали, известив, что король пришлет новых. В течение полугода обещание не было исполнено. Во Пскове царь имел свидание с Магнусом, который в то время сносился уже с Кетлером и с Баторием. Вступив в Лифляндию, русские войска заняли несколько городов; сопротивлявшиеся подвергались или

избиению, или продаже татарам. Некоторые города сдались Магнусу, который пробовал указанием на их принадлежность ему защитить их; но царь написал ему выговор. Вслед за тем И. двинулся к Вендену, где находился Магнус; Венден сдался, после мужественного сопротивления, причем некоторые жители взорвали сами себя на воздух. Магнус выехал к государю и сдался ему. С жителями было поступлено сурово. Отсюда И. двинулся к Вольмару и из этого города отправил знаменитое свое письмо к Курбскому, величаясь своими победами. Приехав в Дерпт, царь отпустил Магнуса. Набегом на Ревель кончился этот поход, а в конце года поляки, появившись в Лифляндии, взяли несколько городов. В начале 1578 г. прибыло польское посольство, с которым заключено было перемирие на три года. Перемирием, а также названием его не братом, а соседом, Стефан был недоволен. И. в это время завязал сношения с императором Рудольфом, только что вступившим на престол, и с ханом крымским. В сентябре 1578 г. заключен был договор с Данией, которым Лифляндия и Курляндия признавались за Россией, но в Копенгагене он не был утвержден. Баторий, задержав московских послов, созвал сейм в Варшаве, на котором решено было начать войну с Москвой. Пока шли приготовления, послан в Москву Гарабурда, с предложением не вести войны, пока не кончены переговоры. И. задержал этого посла, точно так же, как Баторий задерживал его послов. Не желая, однако, терять времени, в мае царь послал свои войска из Дерпта к Оберпаллену и Вендену. Оберпаллен они взяли, но Венден должны были оставить, по случаю возникших между ними местнических споров. Между тем литовцы сговорились с шведами, и когда воеводы снова двинулись к Вендену, их настигли соединенные враги и разбили их. Летом 1579 г. царь находился в Новгороде, где возвратившиеся от Батория послы известили его, что Баторий готов к походу, а вслед за тем приехал королевский гонец, с грамотой, написанной весьма резко и извещавшей о начале войны. По дороге из Новгорода во Псков царь узнал, что во главе шведского войска поставлен Делагарди; во Пскове он усердно готовился к походу на Ревель, но приготовления были прерваны вестью о вступлении Батория в Русскую землю. В совете королевском разделились голоса о том, куда направить поход. Литовцы считали нужным двинуться ко Пскову, но Баторий считал более полезным взять сначала Полоцк и тем открыть себе путь по Двине и отвратить опасность быть обойденным с тыла. В начале августа Баторий осадил Полоцк. Пришедшие на выручку моск. войска не могли пробраться к городу и должны были удалиться в Сокол. Баторий 3 авг. взял Полоцк; затем взят был

Сокол, и король удалился в Вильну. Продолжались мелкие стычки и бесплодные пересылки; Баторий тянул только время, чтобы, собравшись с силами, сговорившись с сеймом и приготовив деньги, снова нанести более сильный удар московскому государству. В сейме была очень сильна оппозиция войне, но канцлер Замойский в искусной речи доказал и необходимость войны, и заслуги короля. В Москве тоже готовились, но здесь положение было трудное: не знали, куда направится Баторий, должны были оберегаться от шведов и от крымцев; последние, впрочем, не мешались в войну, потому что хан должен был участвовать в войне турок с персиянами, и могли вредить только, поджигая черемисов к восстанию. В августе 1580 г. Баторий выступил в поход: с дороги король известил царя о своем походе, заявляя притязание не только на Лифляндию и Полоцк, но на Новгород и Псков. Он взял Великие Луки, Озерище, Заволочье; только попытка поляков на Смоленск не удалась. Окончив поход, Баторий отправился на сейм в Варшаву и дорогой вступил в переписку с курфюрстами бранденбургским и саксонским и герц. прусским, от которых и получил денежную помощь. Шведы, между тем, опустошили Лифляндию и взяли несколько городов. Переписка между царем и королем продолжалась: чем более уступал царь, тем горделивее становился король и тем более усиливал свои требования. Наконец И., раздраженный тем, что ему не оставляется ни клочка Ливонии, написал свое знаменитое послание к Баторию, в котором называет себя царем «по Божьему изволению, а не по многомятежному человечества хотению» и сильно упрекает Батория за кровопролитие. Письмо застало Батория уже под Псковом, куда он выступил летом 1581 г., предварительно благополучно поладив с сеймом, хотя и выражено было желание, чтобы война кончилась этим походом. Швеция обещала ему помощь с моря. Окончившиеся весной 1581 г. переговоры с Ригой передали Лифляндию во власть польского короля. Во время похода на Псков Баторий отправил обширное послание к царю, в котором смеялся над тем, что он производит себя от Августа, осмеивал его титулы, не забыл и того, что мать его была дочерью литовского перебежчика, упрекал его в тиранстве, оправдывался в своих военных действиях. Взяв Остров, 25 августа войско королевское, в числе, как говорят, 100000 чел., появилось под Псковом. Город Псков был сильно укреплен, обильно снабжен военными запасами; войска в нем, по свидетельству польского историка, было до 7000 конницы и 50000 пехоты. Городом начальствовал кн. И. П. Шуйский. С 26 августа по конец декабря твердо стояли защитники Пскова, отразили приступ 8 сентября и

за каменными укреплениями еще строили земляные, как оказалось после сделанного пролома. У неприятеля был большой недостаток запасов военных, слышался ропот на продолжительность осады, на невыдачу денег, на суровость зимы. Несмотря на строгость мер, принятых против беспорядков в лагере, ссоры между осаждающими были часты. Посланы были немцы к Псково-Печерскому м-рю, но попытки взять его окончились неудачей. От Пскова войска Батория делали набеги на окрестные и даже довольно далекие места. Так, Христофор Радзивилл дошел до Верхней Волги и грозил Старице, где тогда был сам царь. Успешнее Батория действовали шведы: они взяли Гапсаль, Нарву, Вейссенштейн, Ям, Копорье и Корелу. Все враги И. находились между собою в сношениях: не только польский, но и шведский король переписывался с крымским ханом. Шведы предлагали полякам придти к ним на помощь под Псков, но Баторий, опасаясь, как предполагают, успеха шведов в Ливонии, отклонил предложение. Отчасти это опасение, а еще более обещание, данное сейму, кончить войну походом 1581 г. и неудача псковская побудили Батория желать мира. Посредником явился папский посол иезуит Антоний Поссевин, прибывший вследствие предложения о посредничестве высказанного в Риме царским посланником Шавригиным. В Риме этим посольством были очень довольны; уже не раз делались из Рима попытки так или иначе подчинить себе далекую Московию. Поссевин известен был раньше тем, что, переодетый, проник в Швецию и склонил короля Иоанна к мысли возвратиться в католицизм; тогда же познакомился он с Баторием. Еще в Риме начал Поссевин изучать дела московские; ему были открыты все дипломатические документы. При отъезде из Рима Поссевину была дана любопытная инструкция, в которой указываются две ближайшие цели: установить торговые сношения Венеции с Русью и способствовать заключению мира между царем и королем, причем он должен был дать понять, какое сильное участие принимает в этом деле папа; предписывалось также указать на цель примирения – союз против турок и соединение церквей, без которого и самый союз не может быть прочен. Чтобы побудить царя к этому важному шагу, рекомендовалось указать на стыд повиноваться патриарху, зависящему от турок, на славу войти в союз с Европой и на награду на небе. Заехав в Венецию и к императору, для переговоров об общем союзе, Поссевин, в июне 1581 г., приехал в Вильну к королю Стефану. Король посмотрел сначала подозрительно на переговоры Поссевина с императором, которого считал своим врагом; но иезуит победил все затруднения. Переговоры начались в Полоцке, но шли туго; тогда

Поссевин сам поехал к царю. И. в переговорах показал себя хорошим дипломатом: о турках говорилось мало, вопрос религиозный был отложен; только венецианским купцам дозволено было иметь при себе священников. Пробыв в Москве недель шесть. Поссевин в сентябре вернулся к Баторию: И. созвал боярскую думу, постановившую «Ливонские города, которые за государем, королю удержать, а Луки Великие и другие города, что он взял, пусть уступит государю, а помирившись с королем Стефаном, стать на шведского». Послами были назначены кн. Елецкий и печатник Алферьев. В декабре 1581 г. начались переговоры в дер. Киверова гора (около Порхова). Со стороны польской были Зборажский, Радзивилл и Гарабурда. До 6 января 1582 г. продолжались бурные переговоры, пока наконец не подписано было перемирие на десять лет, на условиях, уже предрешенных постановлением думы, причем Баторий вытребовал от И. обязательство не воевать Эстонию. Это обещание имело влияние на прекращение Шведской войны. Несмотря на неудачу шведов под Орешком, в августе 1583 г. заключено было на р. Плюссе (близ Нарвы) перемирие на три года, на основании которого все занятое шведами осталось за ними. Кроме обещания, данного Баторию, причиной заключения перемирия было восстание черемис и, вероятно, сознание, что для успехов европейской войны необходимо преобразовать войско. Поссевин, по заключении перемирия, приехал в Москву. Здесь он требовал только подчинения папе и за это указывал в перспективе, на Византию; но все это мало действовало на царя; он отказывался говорить о делах духовных, потому что «долг мой заправлять мирскими делами, а не духовными». Несчастный исход войны не заставил Грозного отречься от мысли вознаградить свои потери: он продолжал искать союза с европейскими государями. С этой целью отправлен был в 1582 г. в Англию Федор Писемский. Ему поручено было хлопотать о заключении тесного союза с королевой на короля польского, а вместе с тем сватать за царя родственницу королевы, Марию Гастингс. Англичанам не хотелось ни того, ни другого, а хотелось добиться беспошлинной торговли. С щекотливым поручением достигнуть этой цели в июне 1583 г. поехал в Москву Иероним Боус (см. соотв. статью). Долго тянулись эти переговоры с разными перипетиями; царь то прогонял Боуса, то снова призывал его к себе. Переговоры еще не пришли к концу, когда Грозного царя не стадо. В январе 1583 г., огорченный всеми событиями внешними, пораженный горем о смерти им же убитого сына, И. был обрадован появлением в Москве присланных Ермаком казаков, пришедших «бить ему челом новой землицей –

Сибирью» (см. Ермак, Сибирь). Жизнь, слишком неправильная, рано подорвала здоровье И.; убийство сына много способствовало упадку духа. Еще в начале 1584 г. обнаружилась у него страшная болезнь – гниение внутри, опухоль снаружи. В марте разослана по монастырям грамота, в которой царь просил молиться о его грехах и об исцелении от болезни. Перед смертью он сделал распоряжение о правлении. Постригли его уже полумертвого (18 марта 1584 г.). У И. было семь жен: Анастасия Романовна († в 1560 г.), Мария Темрюковна († в 1569 г.), Марфа Васильевна Собакина († в 1571 г., вскоре после брака), Анна Алексеевна Колтовская (разрешение на этот брак дано было собором; пострижена в 1577 г., † в 1626 г.), Анна Васильчикова (похоронена в суздальской Покровской обители), Василиса Мелентьева (женище; с двумя последними Грозный не венчался, а брал благословение на сожительство) и Мария Феодоровна Нагая (брак был в 1580 г., † в 1608 г.). После И. осталось два сына: Феодор (от Анастасии), который после него наследовал, и Димитрий (от Марии Нагой). Современники и потомство различно относились к Грозному: Курбский видит в нем только тирана и приписывает все хорошее советникам; кн. Ив. Катырев-Ростовский выделяет его умственные качества («муж чудного разумения»); летописцы новгородский и псковской относятся к нему несочувственно; большинство иностранцев видит в нем и тирана, и стремящегося к завоеваниям государя, что им было в особенности противно; противными им казались и русские, которых, как варваров, не следовало пускать в Европу. Из новых историков князь Щербатов не разобрался в характере Грозного и представил только перечень его противоречивых качеств; Карамзин, а потом и многие другие (Полевой, Погодин, Хомяков, К. Аксаков, Костомаров, Иловайский, Ясинский) пошли вслед за Курбским; иные из них даже отрицают умственное превосходство Грозного. Арцыбашев первый подверг критике сказания Курбского и иностранцев о жестокостях И. Другие, не отрицая недостатков нравственного характера И., видят его политический ум и многое хорошее в его государственной деятельности (С. М. Соловьев, Кавелин, Е. А. Белов, Г. В. Форстен). Медики (проф. Чистович и проф. Ковалевский) отыскивают в Грозном следы умственного расстройства. Сложный характер Грозного долго еще, быть может, будет привлекать к себе внимание исследователей, как трудно разрешимая психологическая загадка. По главным чертам своего характера он скорее был человек созерцательный, чем практический. Задавшись мыслью, он искал исполнителей и доверялся им до первого подозрения: легко веря, он легко и разуверялся и страшно мстил тем, в ком видел нарушение

доверия (по замечанию И. Н. Жданова). Нервный и страстный от природы, он еще более был раздражен событиями своего детства. Воспитание не дало ему никакой сдержки. Руководительство такого узкого человека, как Сильвестр, могло его только раздражать. Ряд обманутых надежд вызвал в нем недоверие и к своему народу. Ю. Ф. Самарин справедливо заметил, что сознание недостатков века соединялось у И. с недовольством на самого себя. Отсюда его порывы раскаяния, сменявшиеся порывами раздражения. Тяжело было его душевное состояние в последние годы, при виде гибели всех его начинаний. Оставив по себе след в политической истории России, И. оставил след и в истории ее литературы: он был начетчик и в духовных книгах, и в исторических сочинениях, ему доступных. В писаниях его слышится московский книжник XVI века. Он отличается от Курбского тем, что последний проникся западно-русской книжностью, тогда как Грозный оставался совсем московским человеком. По форме изложения он принадлежит своему веку, но сквозь эту форму пробивается его личный характер. В переписке с Курбским он ярко высказывает свою теорию царской власти, зависящей только от Бога и суд над которой принадлежит Богу. С сильной иронией обличает он злоупотребления боярские и покушения Сильвестра подчинить себе его совесть. Те же качества видим и в его послании в Кириллов-Белозерский монастырь («Акты историч.»), в котором, смиренно сознаваясь в своих грехах, он громит ослабление иноческого жития в кирилловских старцах и те послабления, которые они делают постриженным у них вельможам. Послание к Баторию (в «Метрике литовской») чрезвычайно сильно. Написанное в том же духе послание к шведскому королю (в «Летоп. Зап. Арх. Комиссии») тоже, вероятно, писано самим Грозным. Есть вероятность, что и некоторые другие дипломатические акты писаны самим Грозным: так, почти несомненно принадлежат ему ответы бояр Сигизмунду-Августу.

Источники. Летописи: Никоновская, Львовская, Александро-Невская (в «Русской Ист. Библиотеке»), Норманского (во «Временнике»), Псковская, Новгородская и некоторые другие; «Сказание кн. Курбского». Акты: «Собрание Госуд. Гр. и Догов.», «Акты Археографич. Экспедиции», «Акты исторические», «Акты Зап. России», «Литовская метрика», «Разрядные книги» (в «Библиотеке» и «Симбирском сборнике»). Иностранцы: главный сборник – Старчевского: «Hist. Ruth. Script.». Сборники ливонские: «Monum. Liv. Ant.», «Script. Rer. Liv.»; Ширрен, «Quellen z. Geschichte d. Unterg. Livländisch. Selbstständigkeit»; Бинеман, «Briefe nnd Urkunden» (многие из лифляндцев переведены в

«Сборнике материалов и статей по истории Балтийского края»); «Hist. Russ. Monum.»; Эверс, «Beiträge zur Kenntmss Russlands». Из отдельно изданных лифляндцев важны: Ренер, «Liviändische Historien», и Кельх, «Livlandische Chronick», хотя это произведение позднейшее. Из англичан важны сборник Hackluyt, «Collect. of early voyages», Горсей и Флетчер; из поляков – Стрыйковский, Бельский, Гейденштейн (есть русский перевод, изданный арх. ком.), «Дневник похода Стефана Батория на Россию» (изд. арх. комис.). Любопытная статья о брошюрах той эпохи помещена В. Г. Васильевским в «Ж. М. Н. Пр.» (1889). Пособия: русские истории Щербатова, Карамзина, Полевого, Арцыбашева, Соловьева, Костомарова, Иловайского и Бестужева-Рюмина; Шиман, «Russland, Polen u. Livland» (в «Сборн. Онкена»). Историки: ливонские – Рихтер, Рутенберг, польские – Шуйский, Бобржинский. Важны еще некоторые отдельные сочинения: В. О. Ключевский, «Боярская дума»; Е. А. Белов, «Об историческом значении русского боярства»; его же, «Предварительные замечания к истории царя Ивана Васильевича Грозного»; Ясинский, «Сочинения кн. Курбского, как исторический материал»; И. Н. Жданов, «Материалы для истории Стоглава» («Ж. М. Н. Пр.», 1876); П. И. Ковалевский, «Иоанн Грозный и его душевное состояние», а также сочинения по истории русской церкви, русского права и русской литературы.